

Петровский С. В., свящ. По поводу одного письма в «Автобиографических записках» Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского: (Первая ревизия Уфимской епархии епископом Никанором [Бровковичем] в 1877 г.) // Богословский вестник 1904. Т. 1. № 1. С. 107–129 (3-я пагин.). (Начало.)

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ПИСЬМА ВЪ „АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗАПИСАХЪ“ САВВЫ, АРХІЕП. ТВЕРСКАГО.

(Первая ревизія Уфимской епархіи епископомъ Никаноромъ въ 1877 г.)

Въ сентябрьской книгѣ „Богословскаго Вѣстника“ за текущій годъ, стр. 590—592, въ статьѣ „Автобиографическія записки“ Саввы, архіепископа Тверскаго помѣщено анонимное письмо „Уфимскаго священника“, въ которомъ депутатъ отъ духовенства описываетъ первую ревизію Уфимской епархіи, произведенную въ іюнь—августъ этого года преосвященнымъ епископомъ Никаноромъ, передаетъ свои впечатлѣнія отъ бесѣды съ епископомъ по поводу этой ревизіи и въ заключеніе характеризуетъ послѣдняго, какъ „самолюбиваго и гордаго деспота, не слушающаго никакихъ возраженій, вспыльчиваго до невѣроятности“, который „поповъ въ храмѣ обзываетъ дураками, мерзавцами, ослами и пудовишниками и передвигаетъ ихъ изъ прихода въ приходъ, какъ шашки“.

Располагая подлинными бумагами покойнаго Уфимскаго (впослѣдствіи Херсонскаго и Одесскаго) епископа Никанора, въ числѣ которыхъ есть и его „Отчетъ по обзорѣнію Уфимской епархіи, произведенному въ 1877 году“, лично покойнымъ преосвященнымъ составленный и его-же „Докладная записка, представленная Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, по поводу анонимнаго доноса изъ Уфы, отъ 18 декабря 1881 года, обвинявшаго, какъ и „Уфимскій священникъ“ обвиняетъ епископа Никанора въ разныхъ противузаконныхъ дѣйствіяхъ, въ гнѣвливости, издѣвательствахъ надъ духовенствомъ и т. п.;—я позволяю себѣ отвѣтить на анонимное письмо „Уфимскаго священника“ въ двухъ отно-

шеніяхъ. Во 1) безъ передержекъ, хотя и съ пропусками описанія нѣкоторыхъ приходоѡ, я воспроизвожу Уфимскую ревизію 1877 года буквальными словами преосв. Никанора. Во 2) даю копію подлиннаго отвѣта епископа Никанора на обвиненія его въ гнѣвливости, гордости, вспыльчивости и т. под.

Первый приходъ, оставившій по словамъ „Уфимскаго священника“ худое впечатлѣніе въ епископѣ Никанорѣ, было село Березовка. „Прихожане священника Малиновскаго (?) какъ будто знать не хотѣли, что къ нимъ пріѣхалъ архіерей, . . . спросилъ молитвы и молитвы знаютъ не всѣ, за что (?) и вынужденнымъ нашелся удалить священника въ другой приходъ“ (Бог. вѣстн. стр. 590—591).

По „Отчету“ ревизовавшаго архіерея дѣло представляется въ такомъ видѣ. „21 іюня прибыли въ село Березовку. Настоятель-священникъ Алексѣй Малиновкинъ кончилъ курсъ въ Рязанской д. семинаріи. Псаломщикъ полагается одинъ, на лицо имѣется діаконь. Сверхъ штата имѣется еще испр. должность псаломщика. Числится при церкви и приходское Попечительство, но на лицо къ нашему прибытію не явился никто изъ членоѡ-крестьянъ. Предсѣдатель Попечительства уже третій годъ живетъ въ отсутствіи. Одного изъ членоѡ Попечительства священникъ приглашалъ въ церковь, но тотъ не пошелъ, а поспѣшилъ на какой-то вызовъ міроваго посредника, причемъ священникомъ пояснено, что „свѣтской власти они слушаются больше, чѣмъ духовной“. Стеченіе народа вообще замѣтно малое. . . . Дѣти не читаютъ почти никакихъ молитѡ. Одинъ маленькій мальчикъ прочиталъ „Богородице“; обо всемъ-же остальномъ увѣрялъ, что и тятя этого не знаетъ. Одинъ мальчикъ, читавшій почти все, хотя и съ ошибками, на вопросъ: „кто училъ?“ отвѣтилъ: „Михайло Степановичъ“ (Налимскій).—„А священникъ училъ?“—Отвѣтъ: „нѣтъ“.—Другой юноша, 14 лѣтъ, прекрасный и прездоровый не можетъ прочитать ровно ничего. Изъ дѣвочекъ ни одна ничего не знала. Одну выставили такую, которая можетъ прочитать „Отче нашъ“, но она вмѣсто „Отче нашъ“ прочитала какую-то заговорную смѣсь:

„Отче, иже еси
на небеси,
просвѣтися на земли.
Ангель мой, Спаситель мой,
храни мою душу, скрѣпи мое сердце,
врагъ отъ меня откоснися.
Нѣтъ ни лести, нѣтъ ни чести.
На гробу два листочка лежать“.

При этомъ отецъ благочинный наивно, съ улыбкой объяснилъ мнѣ, что это у нихъ вродѣ какого-то заклѣтія. Отецъ благочинный, очевидно, не подозрѣваетъ, какъ это все глубоко печально: дѣти народа знаютъ нелѣпое заклѣтіе и не знаютъ даже „Отче нашъ“. Священникъ, многократно махая рукою, говорилъ себѣ въ извиненіе публично: „это отъ меня не зависить“. Десятословіе читаль одинъ только мальчикъ, учившійся въ школѣ, въ Уфѣ. Одинъ, на вопросъ: „видѣли образъ Христа-Спаса“? отвѣтилъ: „нѣтъ, не видалъ“.— Другой: „видѣлъ“. „Гдѣ-же“? Ворочаетъ головой въ сторону, потомъ назадъ отъ царскихъ вратъ: „вотъ тутъ, вотъ тамъ“.— А тутъ поближе гдѣ нибудь не видишь“?—„Нѣтъ“. Почти всѣ не видѣли образа Спасителя. Дѣвочка самая возрастная и самая умная отвѣтила, что видѣла. И образъ Богородицы указала удачно; но Спасителя стала указывать слѣва, передъ клиросомъ и за клиросомъ, конечно не впадать и между прочимъ указала на усѣченную главу Іоанна Крестителя и большой, за клиросомъ, образъ святителя Николая, что-де это образъ Христа. Она-же послѣ, когда стали ее испытывать, дѣйствительно-ли, она видѣла образъ Богородицы за правымъ клиросомъ (мать подсказала, пока я записывалъ это), подтвердила; но за то забыла, что прежде удачно указала на образъ Богородицы на лѣвой сторонѣ Царскихъ вратъ. На вопросъ: „какой ты вѣры“? мальчикъ отвѣтилъ: „здѣшняей“. На вопросъ: „ты въ Магомета вѣруешь“? отвѣтилъ: „не знаю“.—„Въ Бога Отца и Сына и Святаго Духа вѣруешь“?—„Вѣрую“.—„Въ единого Бога вѣруешь“?—„Вѣрую“. Отвѣчалъ конечно наугадъ. „А во многихъ боговъ вѣруешь“? „Не знаю“...

Домъ священника, бывшій господскій, весьма приличень. У дома хорошій садъ, заведенъ трудами священника, за что онъ удостоился благодарности („спасибо“) отъ преосвящен-

наго епископа Петра“. И я говорю вамъ за тоже: „спасибо“,— говорю я,—„не говорю спасибо только за людей“. „Ей Богу, свидѣтельствуюсь Богомъ,—увѣряеть священникъ,—это отъ меня не зависитъ. Вы сами замѣтили, да и высказали, что они и въ церковь не ходятъ. Они и сегодня пришли только изъ любопытства“.—„Вы устройте такъ,—внушаю я,—чтобъ они ходили, чтобъ они знали, зачѣмъ они ходятъ, зачѣмъ нужно ходить въ храмъ“.—„Да я имъ постоянно проповѣдую, выбираю проповѣди изъ книгъ“.—„Сдѣлайте милость,—убѣждаю я,—проповѣдуйте такъ, какъ съ позволенія сказать я сейчасъ проповѣдывалъ, чтобъ они знали, что это вотъ—ликъ Спасителя, а это—Богородицы, знали и то, Кто были Спаситель и Богородица“. Священникъ увѣряеть, что онъ хлопоталъ, чтобъ была школа. Въ доказательство представилъ свое отношеніе въ волостное правленіе, отъ 1-го сентября 1866 года,—отношеніе слѣдующаго содержанія: „имѣя намѣреніе заняться обученіемъ приходскихъ мальчиковъ и завести на сей предметъ школу въ селѣ Березовкѣ, безъ всякаго возмездія за обученіе, прошу увѣдомить прихожанъ о моемъ намѣреніи и дать мнѣ знать, сколько окажется мальчиковъ, желающихъ поступить въ школу“. Отписался и спокоенъ въ совѣсти даже до сего дне, до 21 юня 1877 г., слѣдовательно, безъ малаго 11 лѣтъ. Отвѣтъ волостнаго правленія достоинъ энергіи священника. Вотъ это отношеніе: „священнику села Березовки. На отношеніе Вашего благословенія волостное правленіе увѣдомить честь имѣеть, что желающихъ въ здѣшней волости къ отдачѣ для обученія мальчиковъ не оказалось“. Волостной старшина такой-то.... и вмѣсто подписи печать, значитъ неграмотный. Заявлено, что многіе изъ этого прихода ходятъ въ церковь Енгальша, потому что сюда 7 верстъ, а въ Енгальшъ 3 вер.: а всего здѣсь 2387 душъ обоого пола. Зачѣмъ такъ много? Не полезяѣли было-бы отдѣлить? Въ оправданіе себя священникъ все ссылается на то, что прихожане въ церковь не ходятъ. Кажется мнѣ по многимъ соображеніямъ, что въ нашихъ головахъ отъ вѣковаго лежанья на боку, отъ вѣковой неподвижности извратились самыя понятія: прихожане перестаютъ ходить въ церковь оттого, что не понимаютъ, а священники не объясняютъ имъ нужды ходить въ церковь, а священникамъ стало казаться, что они потому и не объ-

ясняютъ прихожанамъ нужды ходить въ церковь, какъ и вообще не объясняютъ ничего, касающагося вѣры, что прихожане перестали ходить въ церковь. Лѣтопись церковная ведется, и весьма тщательно. За 1868 годъ между прочимъ отмѣчено: „къ сожалѣнію прихожане не очень усердны; только небольшая часть ихъ ходитъ въ церковь, а къ причастію и исповѣди еще меньшая. Причина сему та, что, предавшись житейскимъ заботамъ, они мало думаютъ о душѣ своей и не находятъ достаточно времени ходить въ церковь. Небрегутъ и о поминовеніи усопшихъ. Думаютъ, что постояннымъ хожденіемъ въ храмъ Божій много убьютъ дорогого времени, необходимаго для обезпеченія своего въ домашнемъ быту. Христіанской общежительности и взаимнаго вспоможенія между прихожанами не замѣтно; а повсюду слышны вражда, ненависть, драка, взаимныя оскорбленія и частыя судбища. Общественныхъ благотворительныхъ заведеній никакихъ не открыто, даже училищъ не находятъ нужнымъ открыть. Даже при частыхъ внушеніяхъ прихожане-крестьяне не имѣютъ расположенія къ грамотности. По безпечности и хлѣбобопашествомъ занимаются въ малыхъ размѣрахъ, исключая нѣкоторыхъ домохозяевъ. Оттого и очень много здѣсь бѣдныхъ, а зажиточныхъ, не нуждающихся самая малая часть. Нравственное и умственное состояніе прихожанъ въ 1870 году осталось почти тоже самое: таже холодность къ храму Божію, таже безпечность о спасеніи душъ. Въ 1871 г нравственное и умственное состояніе прихожанъ мало измѣнилось. Не смотря на явную кару отъ перста Божія, народъ только тогда, по русской пословицѣ, содрагался, когда грѣмѣлъ надъ головами громъ мести Божіей. Въ семь году народъ падалъ, какъ снопы то отъ скарлатины, то отъ злаго поноса, то отъ ужаснаго бича—холеры. Въ 1872 году, послѣ прошлогодней страшной грозы прихожане пробудились нравственно, стали чаще и въ большемъ количествѣ ходить въ церковь Божію; исполнившихъ долгъ исповѣди и причастія было больше“. Болѣе рѣзкіе, иначе сказать—слишкомъ рѣзкіе отзывы священника о своихъ прихожанахъ опускаемъ...

По утру 22 іюня, собираясь уѣзжать изъ Березовки въ дальнѣйшій путь, когда, кромѣ проснувагося хозяина—священника Малиновкина, никто, ни діаконъ, ни исправляющій должность псаломщика, ни староста не явились даже

принять мое благословеніе, выслушать мое прощальное слово и проститься со мною, я выразумѣлъ наконецъ, въ чемъ тутъ скрывается сущность дѣла. Въ томъ, что здѣсь до ревизующаго архіерея мѣстнымъ жителямъ, начиная съ причта, было мало дѣла. Онъ ѣдетъ себѣ своею дорогою, они остаются жить, какъ жили. Тутъ-то я и выяснилъ себѣ результатъ обзора этого прихода и пришелъ къ слѣдующему не свѣтлому выводу, который и изложилъ въ особомъ предложениіи въ Консисторію отъ іюня 22: „обозрѣвъ вчера 21 и сегодня 22 іюня церковь и приходъ села Березовки, я усмотрѣлъ здѣсь много безпорядковъ и нашелъ приходъ въ замѣтномъ упадкѣ (въ оригиналѣ слѣдуютъ пункты, числомъ 4). За симъ предложены были Консисторіи соотвѣтственныя положенію вещей распоряженія“.

„Часовъ около 8 утра, 22 іюня, прибыли въ село Енгальшъ. Церковь села Енгальша, во имя св. Александра Невского, приписная къ селу Березовкѣ. Настоятель церкви въ селѣ Березовкѣ, священникъ Алексѣй Малиновкинъ не явился сюда, въ Енгальшъ, къ нашему прибытію,—не счелъ этого своею обязанностію. Это было тѣмъ болѣе странно, что ему—Малиновкину, предписано было принять этотъ приписной приходъ подъ свое ближайшее завѣдываніе, такъ какъ бывшій здѣсь священникъ Феодоръ Петровъ по суду переведенъ въ село Елань, Мензелинскаго уѣзда. Тѣмъ не менѣе встрѣтилъ насъ въ Енгальшѣ, въ качествѣ приходскаго священника, отъ Петровъ. Поетъ онъ, какъ старшій соборный пѣвецъ, служить нѣсколько поспѣшно. Пѣли на клиросѣ четыре дѣвицы и мальчикъ; въ томъ числѣ пѣла и дочь священника. Здѣсь народъ впрочемъ въ небольшомъ количествѣ, встрѣтилъ за селомъ, съ хлѣбомъ-солью. Родомъ мордва; народъ настаивалъ на томъ, что: „всѣ мы русскіе, а только зовемся мордва“. Говорятъ по русски чисто, хотя тутъ-же при мнѣ между собою разговаривали и по мордовски. Церковь деревянная, но съ виду чистая, недавно обновленная. Въ алтарѣ чисто и нарядно, только аналой развалился подъ моими руками, когда сталъ я писать на немъ свои замѣтки. При выходѣ къ народу первая возрастная 14 лѣтъ дѣвочка не умѣла прочесть ничего, ни одной молитвы. Вторая прочитала нѣчто съ ошибками, „вѣрую“ не прочитала, о десятословіи не слыхала. На мой вопросъ: „кто

тебя училъ“,—отвѣчала: „братъ“.—„А брата кто училъ“.— „Батюшка“. Братъ ея прочиталъ нѣсколько больше и правильнѣе; „вѣрую“ не прочиталъ; о десятословіи не слыхалъ. „Кто училъ“? Оказалось, что здѣсь есть школа. Тѣмъ же менѣе дѣвочка, почти невѣста, не знала ничего. Мальчикъ 14 лѣтъ читалъ смѣсь изъ „Царю небесный“, „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво“. Другая дѣвочка, также почти невѣста, ничего не учила; „сколько ей годовъ“?—не знаетъ и того. Образовъ Христа-Спаса и Богородицы даже возрастные не видали; мальчикъ довольно бойко говоритъ: „вотъ Богородица“ и указываетъ на правый клиросъ, на огромныхъ размѣровъ Нерукотворенный образъ, за клиросомъ. „Это Царица небесная“?—спрашиваю.—„Вотъ, да“, отвѣчаетъ мальчикъ. Дѣвочка, почти невѣста, также не видѣла образовъ, ни Христа-Спаса, ни Богородицы. Я указываю ей на тотъ-же образъ и спрашиваю: „Это образъ Богородицы“?— „Богородицы“ — „Царицы небесной“? — „Царицы небесной“. На вопросъ; „вѣрую въ Иисуса Христа, распятаго за ны“ и т. д.,—въ кого это ты вѣруешь? три дѣвочки самыя возрастные отвѣчаютъ: „не знаю“. На вопросъ: „сколько у насъ боговъ“—всѣ молчатъ. Самый умный мальчикъ отвѣчаетъ: „Богъ одна“. О плащаницѣ не имѣютъ понятія; а тотъ мальчикъ, что поумнѣе, указываетъ на крестъ и говоритъ, что—это плащаница. Церковь вообще чиста, не богата, не достаточно обзаведена всѣмъ необходимымъ. Одно только оказывается въ церкви не нужно, — библіотека, которой вовсе почти нѣтъ. Въ библіотекѣ имѣется полное собраніе сочиненій Иннокентія, высланныхъ Консисторією, но нѣтъ и не было библии. Но тутъ-же люстра хорошая, стоитъ рублей сто, а на библію—источникъ свѣта духовнаго, священникъ не отыскалъ средствъ“.....

24 іюня прибыли въ село Месели. Приходъ чувашскій, кромѣ одной деревни, одна деревня есть русская. Чуваши есть и изъ мужескаго и изъ женскаго пола такіе, которые говорятъ по русски хорошо. Мужескій полъ всѣ по русски понимаютъ. Русскіе по чувашски знаютъ мало; а напротивъ, по смежности съ татарами, русскіе вездѣ говорятъ по татарски. Язычниковъ некрещенныхъ нѣтъ. Церковь деревянная, строена отъ казны, размѣровъ незначительныхъ и самыхъ простыхъ. По штату положено: священникъ и два пса-

ломщика. На лицо одинъ только псаломщикъ. Утварь необходимая есть, но вообще церковь не богата, даже скудна. Школы нѣтъ. Изъ дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ никто не зналъ ни одной молитвы, ни символа, ни десятословія. Старики просили священника. О. благочинный Андреевъ сказывалъ, что по сосѣдству, въ селеніи Куганакъ, имѣются чуваши еще язычники, и объяснялъ, что присоединить ихъ нельзя, потому что чуваши живутъ въ татарскомъ селеніи, и совершенно отатарились. Съ ними ничего не подѣлаешь. Теперь для меня понятно, почему это всѣ меня увѣряютъ, что магометанская корпорація для насъ неприкосновенна. „Фанатизмъ“,—говоритъ благочинный. Фанатизмъ, да; но есть другая причина повыше и посущественнѣе, которая лежитъ въ основѣ фанатизма: магометане выше насъ, умнѣе. У нихъ почти всѣ дѣти грамотны, мальчики и дѣвочки, всѣ учатся закону Божію. Я обѣщалъ произвести и произвелъ экзамень татарскимъ дѣтямъ. На одной почтовой станціи подозвали къ себѣ толпу татаръ, между ними оказался одинъ, хорошо объясняющійся по русски; взяли перваго попавшагося татарченка. Большой татаринъ былъ переводчикомъ. „Сколько у васъ боговъ“? Потолковали между собою и вынесли отвѣтъ: „одна, одна богъ“.—„Кто его пророкъ“?—„Магометъ“.—„Что ждетъ людей на томъ свѣтѣ по смерти“?—„Кто какъ жилъ, такъ тому и будетъ“.—„Кто васъ учитъ“?—„Мулла“.—„А дѣвочекъ кто учитъ“?—„Баба“,—т. е. „жена муллы“?—„Да“.—„Видите, —говорю я благочинному, о. Андрееву,—у магометанъ учать поголовно всѣхъ и грамотѣ и закону божію. А у насъ, въ нѣкоторыхъ приходсахъ, гдѣ нѣтъ школы, никто ничему. Вотъ приходъ, въ которомъ ни одна душа не знаетъ ни одной молитвы.—„Приходскіе священники не могутъ учить“, умствуешь о. благочинный. „Отчего не могутъ? Обязаны“, утверждаю я.—„У нихъ есть другія обязанности“, умствуешь о. благочинный, — „для этого должны быть особые миссіонеры“. Тутъ я уже заговорилъ серьезнымъ языкомъ, что не ожидалъ отъ него—благочиннаго, руководителя другихъ приходскихъ священниковъ, такой приземистости, такой узкости—самаго узкаго своекорыстія возрѣвнѣй... Такъ я и уѣхалъ, разставшись съ о. Андреевымъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Сии пастыри душъ отрицаютъ въ самомъ принципѣ первѣйшій свой долгъ—

быть духовными учителями, наставниками и руководителями паствы. То, что въ приходѣ никто не знаетъ ни одной молитвы, не различаетъ икону Спасову отъ иконы Царицы Небесной, не вѣдаетъ, во сколько мы вѣруемъ боговъ, это нѣкоторыхъ нашихъ пастырей нимало не беспокоитъ. Ни одинъ изъ священниковъ не отмѣтилъ этого въ лѣтописи церковной, за то обратно почти ни одинъ не пропустилъ отмѣтить, что прихожане мало служатъ молебновъ и панихидъ. „Раздѣниваютъ Христа,—какъ я выразился о. Андрею, —на сребренники, не иначе“. А „туне пріясте, туне дадите; блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати“, сии основныя аксіомы поведенія священниковъ нами забыты. „Приходскіе священники молитвамъ и вѣрѣ учить не могутъ. У нихъ есть другія обязанности. „Это не отъ нихъ зависитъ“, какъ выражался многократно священникъ Малиновкинъ, „это не ихъ дѣло“.....

Іюня 27 прибыли въ церковь села Бижбуляки, во имя Св. Троицы. Приходъ чувашей 3785 душъ. Одинъ приходъ, одинъ священникъ, одинъ псаломщикъ..... Церковь чиста но скудна, на казенныя деньги строена. Алтарь иконными украшеніями очень скуденъ. Утвари чисты, но скудны. Подсвѣчникъ на жертвенникѣ сломанный. Въ трисвѣчникѣ на престолѣ и на жертвенникѣ горитъ по маленькому тонкому огарку. Св. миро держится небрежно, въ запыленномъ пузырькѣ, заткнутомъ развалившеюся и заплесневѣлою пробкою. Спросилъ я о крещальномъ сосудѣ. Священникъ говоритъ: „съ Дарами вожу“. „Принесъ, однакоже пузырьки со св. миромъ и елеемъ. Пузырки самые маленькіе, аптечныя, безъ пробокъ. Пузырекъ съ св. миромъ, съ отбитымъ рыльцемъ. Внутри, въ мирѣ плаваетъ грязный комокъ воска, перышко, которымъ мажутъ; что то черное, вродѣ нагорѣвшей кнотовины, волоса и всякая нечисть. Я говорю благочинному: „можетъ-ли быть что нибудь скареднѣе этого, и это св. миро. Всякій сказалъ бы вамъ, что вы совершаете смертный грѣхъ“..... Изъ дѣтей многіе понимаютъ по русски, а мордва, кажется, всѣ. Его спрашиваешь: „отчего ты по русски понимаешь“? Въ отвѣтъ одно слово: „мордва“. „Когда я сталъ спрашивать дѣтей, то никто ни изъ чувашей, ни изъ мордвовъ, ни изъ русскихъ не зналъ ровно ничего. Не многіе, учившіеся въ школѣ, прочитали съ крайними ошиб-

ками по одной молитвѣ, больше „Богородице“. Кажется, одинъ, или два прошептали „Отче нашъ“. „Вѣрую“ не знаетъ никто. А священникъ отказывался отъ законоучительства, не желая принять его на себя. Святыхъ иконъ Спаса и Богородицы не различаетъ ни одна душа. Сталь было я говорить, хотѣлъ объяснить символъ вѣры. Но изъ этого 4000 прихода и съ самаго начала набралось народа немного, такъ что половина небольшой церкви была пуста. Но когда сталь я говорить, задніе стали выходить на моихъ глазахъ, то одинъ по одному, то толпами. Я замѣтилъ, что это неприлично и приказалъ старшинѣ затворить дверь. Старшина отошелъ, но дверей не затворилъ, а народъ, особенно женщины, продолжали уходить. Тогда я обратился къ близъ стоявшимъ съ вопросомъ: „что было-бы, если бы архіерей пріѣхалъ и объявилъ, что вечеромъ онъ будетъ всѣмъ и всякому раздавать сласти, напр. пряники.—Или если бы объявилъ, что ставитъ вино на всякаго желающаго, которое будутъ раздавать не теперь, а вечеромъ“? „О,—отвѣчали всѣ,—простояли бы хоть двое сутокъ.—Я сталь продолжать объясненіе символа, но и остальные задніе продолжали уходить..... Я перекрестился и пошелъ изъ церкви и изъ села, не взглянувъ ни на кого.....

28 іюня прибыли въ село Чегодаево..... При личномъ знакомствѣ со священникомъ не замѣчено въ немъ особаго толка. Когда, при прощаньи съ клиромъ и народомъ, я повелъ рѣчь о томъ, что въ семь приходѣ замѣчается упадокъ христіанскаго усердія, даже можно сказать—самаго христіанства, въ эту минуту, къ крайнему моему удивленію, одна прилично одѣтая женщина, оказалось, — мѣстная дьячиха — возвысила вопль: „переведите насъ отсюда, Ваше Преосвященство, я измучилась съ погребомъ. Погребъ упалъ. Я просила, просила ихъ (прихожанъ): „почините намъ погребъ“, — силъ моихъ нѣтъ, измучилась совсѣмъ“. Еще къ большому моему изумленію, такой неумѣстной выходкѣ жены сталь вторить и мужъ, испр. долж. псаломщика. „Вотъ, подумалось мнѣ,—и толкуй этимъ людямъ о паденіи христіанства. А они толкуютъ свое,— о паденіи погреба. Такая приземистость. Такое приземистое своекорыстіе. Еще бы толковать о паденіи христіанства вотъ этимъ телятамъ, овцамъ и другимъ невиннымъ скотамъ, которые тутъ вотъ

щиплютъ траву, не удостоивая насъ ни малѣйшимъ вниманіемъ.....

Вторую поѣздку, вслѣдствіе болѣзненного разстройства, мы преждевременно прекратили и предназначеннаго маршрута не выдержали.

Въ третью поѣздку для обозрѣнія епархіи, іюля 26, 1877 года, прибыли въ село Николаевку. Священникъ—Нечаевъ,—отецъ извѣстнаго мальчика Нечаева, ученика училища, который отказался ходить въ церковь Божію по нерасположенію и впослѣдствіи утонулъ. Церковь въ имѣніи Дашковыхъ, отъ нихъ украшена утварями. Внутри вообще не скудна, но безъ ограды. Есть и пѣвчіе, поютъ удовлетворительно. Священникъ дрожащій и пахнущій, впрочемъ еще не неприличенъ. Видъ диковатъ, манера держать себя нѣсколько рѣзкая. Школа была давно, но теперь нѣтъ. Приходъ похожій на всѣ изъ худшихъ. Дѣти, кто знаетъ „Богородице“, кто „Отче нашъ“, кто „Иисусову молитву“ и „Отче нашъ“, кто „Богородице“ и „святыи Боже“. Далекое не всѣ знаютъ „Богородице“ и „святыи Боже“. Оказалось цѣлое семейство — четверо маленькихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, изъ которыхъ старшіе трое знаютъ и „вѣрую“, меньшей—пяти лѣтъ преусердно и предолго читалъ нѣчто, но я не могъ разобрать, что именно; а старшіе, почти такія же крошки, какъ онъ, преусердно ему подсказывали. Одинъ мальчикъ, сынъ рѣщика иконостаса, учившійся въ школѣ, знаетъ и десятословіе. Отецъ тѣхъ четырехъ дѣтей—воинъ царя земного. Мальчикъ самый умный—Иванъ Копѣйкинъ. А дѣвочка, которую мать выставила, Устинья Сапожникова. Никто изъ дѣтей не сказалъ, что училъ священникъ. „Нѣтъ, именно говорятъ, не училъ, тятка училъ“ и т. п. Немногіе различаютъ иконы Спаса, Богородицы и Святителя Николая,—храмовой праздникъ. Различаютъ отчетливо только тѣ изъ дѣтей, которыя удовлетворительно и отвѣчали. Здѣсь заявляютъ, что чиновники изъ города, вообще горожане дѣйствуютъ на подгороднихъ сельскихъ жителей развращающимъ образомъ: „вотъ что стрѣляютъ здѣсь дичь и всякіе тому подобные... Проповѣдуютъ: Бога нѣтъ; это для васъ мужиковъ-дураковъ Богъ. Поповъ не нужно; попыкупаютъ дѣтей, давайте, я вамъ также, или еще лучше окупаю“... Заявляетъ благочинный Уводскій, человекъ без-

спорно умный и дѣятельный: „ужасающія явленія... О христіанской религіи имъ и говорить нечего, о Христѣ, о Божіей Матери. Мы благородные не нуждаемся ни въ церкви, ни въ полахъ“.....

Помѣщикъ Дашковъ сдѣлалъ отзывъ о священникѣ: „не пользуется уваженіемъ, приходъ нуждается въ священникѣ“. При прощаньи я сталъ говорить, что школа нужна. Отецъ благочинный Уводскій, обращаясь къ священнику, говоритъ: „хлопочите, я походатайствую предъ земствомъ. Земство откроетъ школу. Вы будете получать по 50 коп. съ мальчика“.— „О,—заговорилъ священникъ оживленно,— это дѣло другое, на это найдется много охотниковъ, дайте не 50, а 25 коп., и за это возмутся съ охотою“. — Я говорю: и да вотъ вы изъ корысти готовы учить; а вы обязаны учить даромъ“. — „Да я не о себѣ говорю, — возражаетъ о. Нечаевъ,— а о другихъ“. „А я уже устарѣлъ учить. Я не могу полчаса просидѣть, чтобъ у меня грудь не заболѣла. Я все здоровье свое уходилъ въ столоначальникахъ, на это никто не обратилъ вниманія“.— „Зачѣмъ же вы брали санъ, коли не могли исполнять его обязанности“.— „Бѣсть нечего было, а я семейный“.— „Ну такъ оставьте священническую службу, коли не можете нести ее“.— „Да я ее несу“.— „Да вы же отказываетесь учить“.— „Да я учу“.— „Да какъ же вы учите,— въ школѣ не желаете учить, въ церкви не учите“. — „Я только не говорю катихизическихъ поученій“. — „Вы запутались въ школьныхъ опредѣленіяхъ и дистинкціяхъ, — говорю я,— а на дѣлѣ во всякомъ случаѣ не оказывается ничего“.... „Вотъ уже это наиболѣе неудобная вещь: когда человѣкъ-священникъ грѣшитъ морально, на это есть кары Божіи и человѣческія, есть милосердіе и прощеніе. А когда священникъ согрѣшаетъ умомъ, согрѣшаетъ въ принципѣ. согрѣшаетъ ересью, сказано: да извержется. Когда говоришь священнику, что его первый священный долгъ учить, а онъ сомнѣвается въ этомъ, то тутъ идти далѣе некуда. Такое отрицаніе долга я не благословляю“.... Съ тѣмъ я и ушелъ отъ этого извращеннаго человѣка, отъ этого отставнаго консисторскаго столоначальника, въ рясы, безъ призванія, единственно изъ-за куска хлѣба.....

Іюля 27 прибыли въ село Сорвиху. Священникъ изъ діаконовъ, человѣкъ пожилой и благообразный по священни-

чески. Церковь новая, недавно устроенная, не бѣдна и не богата. Пѣли на клиросѣ пѣвцы, и между ними четыре женщины. Народу при встрѣчѣ было не много, ни мало. Въ церковь вошла развѣ только половина и все мужчины. Дѣтей было мало, дѣвочекъ почти никого, въ церкви отъ насъ убѣгали. Оказалось однако же, что мальчишки знали символъ вѣры и,—что отрадно было услышать,—училъ священникъ, училъ, сказано, вездѣ и дома, и въ церкви. Различіе иконъ смутное; о Спасителѣ на панагінѣ всѣ сказали, что не знаемъ, или сказали, что Богородица. Когда я началъ читать символъ вѣры, многія женщины и дѣвочки глязѣли изъ-за закрытой стеклянной двери. Когда я велѣлъ позвать ихъ въ церковь, онѣ всѣ разбѣжались. Черезъ открытую главную дверь я видѣлъ, что вся масса женщинъ стояла внѣ церкви, у ограды. Когда я сталъ говорить объ этомъ, то и тѣ, которые стояли въ церкви, выходили. Я разсказалъ предстоявшимъ, какъ при подобныхъ обстоятельствахъ я поступалъ въ другихъ селахъ, т. е. когда народъ не слушалъ меня, и уходилъ, то и я перекрестился на иконы и вышелъ. Такъ затѣмъ я поспешилъ и здѣсь. Масса мужчинъ, впрочемъ по внушенію свиты, бѣжали за мною и просили прощенія, становясь на колѣна. Чувствуя фальшивую, дѣланную театральность этой сцены, я сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ. Впрочемъ, эти люди на хорошей дорогѣ и въ добрыхъ рукахъ. Умница старшина, и священникъ имѣетъ вліяніе. На завтра изъ Сорвихи пришла депутація человекъ въ 30 въ Сергѣевку, и тутъ я объяснился съ ними и простились по христіански..... Того же іюля 27 прибыли въ село Сергѣевку..... Бесѣдовать съ дѣтьми и вчера стѣснились и сегодня, потому что присутствовало цѣлое барское семейство. Но сегодня спросили первую стоявшую впереди дѣвочку, росту не малаго, лѣтъ 13—14, „знаетъ-ли она образъ Богородицы, Царицы небесной“. — „Нѣтъ, не знаю“. — „Какъ не знаешь?“ — тутъ то догадался накинуться на нее священникъ. Да не знаетъ, не видѣла образа Богородицы, Царицы небесной. Преподавая благословеніе, я установилъ одну большую, развитую тѣлесно, дѣвушку: „ты женщина, или дѣвушка?“ — „Дѣвушка“. — „Ну, скажи, знаешь-ли ты Христа-Спаса?“ — „Нѣтъ, не знаю“. — „Не видѣла образа, иконы Христа, Спасителя, Христа-Спаса?“ — „Нѣтъ,

не видѣла“. На томъ и стала. А лѣтъ 17, или 18. — Такъ вотъ и дѣятельность мѣстнаго священника; къ пѣнію церковному никого не пріучилъ, напротивъ пріученныхъ отвалилъ, самъ богословскихъ понятій не имѣетъ никакихъ, никого ничему не учитъ, даже не освѣдомляется, знаютъ-ли его прихожане что-либо. Этой послѣдней дѣвушкѣ, чисто одѣтой, онъ задалъ при мнѣ вопросъ: „ты кто такая?“ — „Въ церковь не ходитъ“, — прибавилъ онъ себѣ въ оправданіе. На что я ему возразилъ: „да, ходите же вы къ нимъ по домамъ съ требами, или за ругой, за гривенниками. Отчего же вы у нея тамъ не спросили, видѣла-ль она образъ Христа Спаса“. Лѣвится даже хоронить. Ввелъ въ своемъ приходѣ въ систему заочныя похороны.....

Іюля 29. По выѣздѣ изъ Монастырскихъ Дуваней, чрезъ нѣсколько минутъ прибыли въ село Калинники. Село большее. Встрѣтили насъ, подъ предводительствомъ Дуванейскаго старшины, хлѣбомъ-солью и съ иконами за околицей. Оттуда шли пѣшкомъ, въ сопровожденіи большаго собранія народа, къ церкви. У всякаго дома стоялъ столъ съ хлѣбомъ-солью. Церковь большая, даже можно сказать, громадная, каменная. Строена еще во времена Удѣльнаго Вѣдомства и были изъ-за нея большія неприятности, такъ какъ она построена не прочно..... Въ народѣ насъ поразила дикость. Когда я въ церкви подошелъ къ переднимъ, по выходѣ изъ алтаря, къ женской половинѣ, — то всѣ стали пятиться, а дѣвочки стали убѣгать и прятаться. Я взялъ одну за руку, и она стала положительно вырываться. Этой дѣвушкѣ оказалось 20 лѣтъ и она не знаетъ ни одной молитвы. На вопросъ: „знаетъ-ли Иисуса Христа“?, отвѣтила: „не знаю“. „Видѣла-ль образъ Иисуса Христа“? — отвѣтила: „не видѣла“. Прочія дѣти, которыхъ и было не много, обнаружили также вообще скудныя свѣдѣнія. Школы нѣтъ. Священникъ этого прихода живетъ въ Монастырскихъ Дуванейхъ, а въ Калинникахъ домъ сгорѣлъ. Совершенно благопріятное впечатлѣніе произвелъ здѣшній діаконъ, котораго, по его выраженію, „на старости лѣтъ осрамили дѣвки“ — дочери дьячка-калѣки, страдающаго какою-то неизлѣчимою болѣзнью, осрамили изъ-за телятъ: поднялось судное дѣло, по которому старецъ діаконъ присужденъ къ наказанію.....

Іюля 29 позднею вечерю прибыли въ Бирскъ.... На

утро, 30 іюля, въ субботу служили литургію въ Іоанно-Предтеченской церкви Бирской женской общины. Пѣніе у монашекъ еще не стройное не сложившееся. Церковь не велика, но хороша, благоприлично обставлена, даже съ роскошью и строгою опрятностью, какъ и слѣдовало ждѣть отъ женскаго монастыря. Послѣ литургіи выходили на молебень съ водосвятиемъ и на закладку вокругъ монастыря каменной стѣны, которую желаетъ построить благотворитель монастыря, купецъ Балаевъ, почтенный старецъ. Эту стѣну мы и заложили. Затѣмъ посѣтили кельи настоятельницы, трапезу, кухню, кладбище, школу, швейную и т. д. Вечеромъ съ 30 на 31 іюля, съ субботы на воскресенье, слушали всенощную въ Бирскомъ соборѣ. Служба очень растягивалась. Діаконъ служить совсѣмъ хорошо, легкимъ баритономъ. Священникъ А-въ служить отличнымъ теноромъ, но не въ тонѣ, и слишкомъ растягиваетъ нараспѣвъ, нѣсколько рисуясь пѣвучестью своего голоса. Пѣвчіе пѣли совсѣмъ стройно, съ рѣдкою для провинціи выдержанностью. Но растягивали непозволительно. Когда они пѣли: „Господи воззвахъ“ на второй гласъ, я послалъ протоіерея ключаря сказать имъ, чтобъ не растягивали, — не послушались. Когда пѣли богородичень „Прейде сѣнь“.—я послалъ другого протоіерея сказать имъ, чтобъ не растягивали, — и тутъ не послушались. „Хвалите имя Господне“—тянули такъ, что священникъ успѣлъ окадить весь весьма большой соборъ, съ тремя придѣлами, а пѣвчіе еще не кончили пѣть „Хвалите имя Господне“. На великомъ славословіи потномъ они дѣлали не только на каждой полуфразѣ особый финалъ, но и на каждомъ главномъ слогѣ дѣлали удареніе и особую своеобразную растяжку. Видя, что уже 10 часъ, я послалъ сказать регенту, что я усталъ слушать ихъ растягиванья и у меня есть другія дѣла. Тогда регентъ началъ рвать такъ, что это вышло совсѣмъ неприлично, походило уже на насмѣшку и капризъ. За первымъ часомъ регентъ смѣло подошелъ ко мнѣ подѣ благословеніе, въ алтарѣ, въ растегнутомъ сюртукѣ, или, кажется, пиджакѣ. Я спрашиваю у о. Гуменскаго: „кто онъ такой“? Оказалось, —снявшій санъ, священникъ. О. протоіерей многократно выражалъ ему свое неудовольствіе на его своеволие въ церкви, но регентъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на его замѣчанія и

одинъ разъ сдѣлалъ ему въ алтарѣ шумную, дерзкую сцену; но его поддерживаютъ соборный староста и общество. Старосту, впрочемъ, очень хвалятъ, какъ человѣка многопользнаго собору. На утро, къ литургіи я попросилъ пригласить пѣвчихъ приходской Архангельской церкви, не желая имѣть дѣла съ своенравнымъ регентомъ изъ священниковъ, снявшимъ санъ. И эти пѣвчіе пропѣли отлично, просто и скромно..... 1-го августа слушали утреню и выносили самолично крестъ въ церкви женской общины. Тутъ вынесли впечатлѣніе печальное. Строй богослуженія здѣсь тотъ же, что и въ уфимскомъ монастырѣ. Діаконъ служитъ нескладно и надуту. Священникъ шепчетъ и нѣжничаетъ, хотя имѣетъ голосъ хорошій; служить не въ тонъ. Монашки поютъ и нестройно и что особенно печально, спѣшно. Изъ кафизмъ читаютъ только по нѣскольку строкъ изъ псалма; изъ канона читаютъ нѣскольکو стихковъ, стихирь не поютъ, да и читаютъ не всѣ.....

1-го августа, подъ вечеръ прибыли въ деревню Баженовку, прихода села Гребеней. Были встрѣчены народнымъ собраніемъ и хлѣбомъ-солью, съ иконою св. Іоанна Предтечи, за околицей. Бесѣдовали съ народомъ. Первый спрошенный мальчикъ бравировалъ незнаніемъ ни одной молитвы. Нашли и еще такихъ. Вообще знаніе крайне низкое. Болѣе прочихъ толковый мальчикъ никакъ не могъ повторить многократно выраженного мною объясненія, что словами „хлѣбъ нашъ насущный“ мы просимъ у Бога хлѣба на сегодняшній день. А народъ говорилъ: „не ученые, такъ и не понимаемъ“, т. е. не учены, учиться не желаемъ и не обязаны и нечего насъ и спрашивать. Объ иконѣ св. Предтечи, которая была на столѣ, хорошая, большая, говорили кто: „не знаю“, кто — „Спаситель“, и только одна пожилая бойкая женщина, которой принадлежала эта икона, сказала: „да это никакъ Иванъ Предтеча; живописецъ, который починалъ, такъ сказывалъ“..... Въ селѣ Гребеняхъ... внутреннее состояніе въ наипечальнѣйшемъ видѣ. На клиросѣ изъ прихожанъ ни души. „Отчего?“—„Было трое охотниковъ,— отвѣтъ священника,—но одинъ померъ, а двое оставили ходить“. Когда я спустился съ соленъ къ дѣтямъ, стояло пять-шесть мальчиковъ, а масса отодвинулась къ двери. Дѣвочки положительно бросились вонъ. Становой и другіе по-

шли звать ихъ. Дѣвочки или убѣгами, или присѣдали на полѣ. Изъ мальчиковъ знали вѣчто только тѣ, которые учились въ школѣ, въ Бирскѣ. Дѣвочки не знали ни одной молитвы. Каждой изъ дѣвочекъ предложенъ былъ вопросъ: „знаешь-ли Христа“? Каждая отвѣтила: „не знаю“. „Видѣла-ли образъ Иисуса Христа“?— „Не видѣла“.— „Сколько у насъ боговъ?“ — „Не знаю“. Подсказали сзади: „одинъ“. И одна дѣвочка высказала и стояла на томъ, что у насъ богъ одиннадцатый. Народъ засвидѣтельствовалъ, что священникъ за ругою ѣздитъ къ каждому и о вѣрѣ не спрашиваетъ никого, заочныя отпѣванья совершаетъ. Я сказалъ, что этотъ приходъ изъ худшихъ; поставить его рядомъ можно только съ Березовкою, Бижбулякомъ и Меселями. О. протоіерей, бывший ключарь, кланялся, прося за священника, своего родственника, выставляя на видъ, что дѣятельность священника направлена была на одно построение церкви, что онъ поднималъ трудовъ довольно, непріятностей имѣлъ много, что народъ подгородній, народъ самый плохой, что приходъ испорченъ еще отцомъ настоящаго священника, человѣкомъ, имѣвшимъ немощи. Я сказалъ: „я не трону этого священника только потому, что признаю въ прошедшемъ его заслугу въ возведеніи большой каменной церкви и что онъ нуженъ въ будущемъ, чтобы не разорить этого дѣла. „О. благочинный Ц—ій говорилъ, что священникъ думаетъ взяться отнынѣ и за улучшение прихода.....

Прибыли въ деревню Кояново, верстахъ въ 20 отъ Гребеней. Народонаселеніе смѣшанное изъ татаръ, черемисъ и 70 душъ русскихъ. Среди села православные жители встрѣтили хлѣбомъ-солью. Дѣти никто не знаетъ ничего. Я каждому изъ дѣтей предлагалъ вопросъ: „знаешь ли Иисуса Христа“? И получалъ отвѣтъ: „не знаю“. Сталъ я предлагать тотъ же вопросъ возрастнымъ и получилъ отъ каждого тотъ же отвѣтъ: „не знаю“. Одинъ прибавилъ, махнувъ съ прискорбіемъ рукой: „вѣрую Богу, вотъ и все“. Я продолжалъ предлагать тотъ же вопросъ стоящимъ вокругъ татарами-ли, черемисами-ли, разобрать ихъ трудно, всѣ въ тубетейкахъ: „ты знаешь-ли Иисуса Христа“? И получилъ тотъ же отвѣтъ: „не знаю“. „Вотъ и они такъ же не знаютъ, какъ и вы“, сказалъ я иновѣрцамъ, магометанамъ и язычникамъ. Тогда православные излились въ горькой жалобѣ на свя-

щенника: „никого ничему не поучить, никого ни о чемъ не спросить. Въ домы не входить. Мы просили его прочитатъ великопостную молитву, не пошелъ. Подай ему только пудовики хлѣба. Съ молебнами по дворамъ не ходить, а мы ждали его и готовились. За свадьбу съ cadaго, бѣднаго, и богатаго сдереть одно,—деньгами и хлѣбомъ выберетъ до 10 рублей. Одно слово, Богъ съ нимъ. Онъ насъ не любитъ и мы его не любимъ“. Тѣмъ и заключили.....

Августа 2-го прибыли въ село Тепляки..... Встрѣчу здѣсь учинили надлежащую,¹ съ хлѣбомъ-солью, за околицей и св. иконою. Храмъ Божій великолѣпный, каменный, громадный, съ отличнымъ куполомъ. Но пѣніе,—пѣли только исправляющій должность псаломщика и еще исключенный изъ духовнаго званія дьячекъ. Только! На вопросъ: „почему вы не приохотили никого къ пѣнію“? священникъ отвѣчаетъ: „нѣтъ грамотныхъ“. А я доказываю ему, что для этого не требуется грамотность, а требуется только благочестивая охота. Когда я стала спрашивать дѣтей, то оказалась поразительная картина—двухъ трехъ десятковъ русскихъ дѣтей, изъ которыхъ почти всѣ отвѣчаютъ: „не знаю, не знаю, не знаю“, „ничего не знаю“, „нѣтъ ничего не знаю-съ“. И очевидно отвѣчаютъ съ досадою и дерзостью, что имъ досаждаютъ этими вопросами. Спрашиваемъ: „знаешь ли Иисуса Христа“?—„Нѣтъ, не знаю, ничего не знаю-съ“.—„Образъ Иисуса Христа, икону Христа-Спаса видѣлъ“?—„Нѣтъ, не видѣлъ, ничего не видалъ-съ, ничего“. Впрочемъ двое—трое изъ дѣтей отвѣтили: „знаю Иисуса Христа, видѣлъ“ и при этомъ указали не то на Тайную вечерю, не то на Распятіе надъ царскими вратами. Но тѣхъ же спрашиваемъ, указывая на образъ Богородицы, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ: „а тутъ есть Иисусъ Христосъ“?—„Тутъ нѣтъ-съ“. „А это Иисусъ Христосъ, или нѣтъ“? спрашиваемъ, указывая на большой образъ Иисуса Христа, справа царскихъ вратъ. Отвѣтъ: „нѣтъ, не Иисусъ Христосъ“. Одинъ больше отвѣтилъ: „нѣтъ, не Иисусъ Христосъ, это Спаситель“. Но по вопросу: „а Спаситель не Иисусъ Христосъ, и Иисусъ Христосъ не Спаситель“—спохватился и сталъ твердить, что и это—Иисусъ Христосъ, Спаситель. Отчего дѣти, указывая вверхъ, говорили: „это Иисусъ Христосъ“? Я ихъ спросилъ: „вамъ священникъ сказалъ это“?—„Да, священникъ“, отвѣ-

тили. — „Давно-ли“? — „Около полдня“. — „Сегодня“? — „Сегодня“. „А прежде не указывалъ“? — „Нѣтъ, не указывалъ“. Вообще, по отвѣтамъ всѣхъ дѣтей поголовно выходило, что священникъ прежде ни о чемъ ихъ не спрашивалъ, ничему не училъ, ничего не показывалъ и не объяснялъ. „А казалось бы, — говорилъ я, — молодой священникъ, только годъ тому назадъ вышедшій изъ семинаріи, долженъ бы внести въ приходъ новую идею, новую энергію, новый благоплодный трудъ“. — Къ изумленію, выступилъ впередъ молодой человѣкъ, 23 лѣтъ, и сталъ горячо защищать священника, что священникъ-де учитъ и показываетъ, и объясняетъ, и ему показывалъ, и онъ спрашивалъ священника, и священникъ ему показывалъ и онъ знаетъ Христа и указалъ икону Христа и Богородицы. Не зная, какъ понять эту выходку, я обратился къ народу: „я буду радъ, — сказалъ я, — скажите, быть можетъ, и другихъ священникъ когда-либо училъ также, какъ и его“?... „Или это подстроено“. Промолчали. Впослѣдствіи священникъ объяснилъ мнѣ, что этотъ молодой человѣкъ — церковный сторожъ; спрашивалъ его не разъ въ церкви и священникъ не разъ разъяснялъ его недомѣнія. Но тамъ же, въ церкви было и продолженіе. Когда я, переставъ спрашивать дѣтей, толковалъ народу символъ вѣры, одна женщина рѣзко и громко прервала мою рѣчь и вступила со мною въ словопреніе: „да, мы, батюшка, народъ глупый. Вотъ и батюшка онъ также всякую молитву справляетъ. И учитъ. Да мы глупы, что-же! Ребятишки наши, почитай что и въ церковь не ходятъ, а коли который и придетъ, то топчется безпрестанно отъ одной двери къ другой“..... „Такъ что тутъ батюшка съ нами подѣлаешь“!? Женщина разумѣла не то, что священникъ толкуетъ что либо въ церкви, а только то, что совершаетъ Богослуженіе и за богослуженіемъ они слышатъ всякую молитву. Слышать, да не понимаютъ и понять не желаютъ, а священникъ никому ничего не объясняетъ, никого ни къ чему церковному не приобщиваетъ. Тутъ и о. благочинный П—въ нашель умѣстнымъ выступить съ публичной церковной апологіей бездѣтельности священниковъ: „да что тутъ подѣлать, когда ихъ и въ церковь не затащишь. Когда иного священникъ въ годъ и одного раза не увидитъ“. Женщину, какъ послѣ намъ растолковали, подтолкнули

другіе, какъ болѣе говорливую: „ты молъ говори“... Она и заговорила на тему, что они глупы и потому не знаютъ Христа, и впередъ не намѣрены узнать Его, въ церковь не ходять, а ходять,—такъ только безобразничаютъ, да и впредь намѣрены также поступать. А о. благочинный поддакнулъ ей въ томъ смыслѣ, что духовенство тутъ ни при чемъ и впредь намѣрено относиться къ этому также, какъ относилось и до сего дне. Пускай де народъ христіанскій не знаетъ Христа, какъ не знаетъ до сего дне.... Я ушелъ изъ церкви съ глубочайшимъ сердечнымъ огорченіемъ.....

4-го августа, по утру прибыли въ Кырпы. По церкви особыхъ безпорядковъ не замѣчено. Церковь ни богата, ни убога. Но дѣти оказались не знающими ничего. И пока я опрашивалъ дѣтей, народъ сталъ выходить изъ церкви, безцеремонно топя ногами, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что на это я обращаю свое вниманіе. Тогда я заговорилъ о неприличіи такого поведенія народа; но и въ эту самую пору люди, поворачивая спины, уходили. Я сказалъ представителямъ полицейской власти, т. е. становому и старшинѣ остановить выходящихъ и подозвать ко мнѣ послѣднихъ выходявшихъ, указавъ на то, что они—представители сельской власти не озабочиваются исполненіемъ своей обязанности поддержать порядокъ и приличіе въ церкви въ продолженіи не болѣе какъ получаса времени, которое проведетъ въ церкви, обозрѣвавшій ее, архіерей. Къ изумленію старшина съ грубымъ видомъ и тономъ сталъ возражать: „да развѣ ихъ всѣхъ остановишь“ и т. д. Становой поддерживалъ старшину, что полиціею нельзя останавливать выходящій изъ церкви народъ. А я говорилъ имъ, что нельзя останавливать силой, да и не требуется, а надо было соблюсти деликатность—настойчиво шепнуть народу, что выходить изъ церкви, топая ногами, нарушать тишину и приличіе въ церкви, въ эти минуты не годится. „Да они не слушаются“—возразилъ становой. Подозванный мною, выходящій, малый оказался юношею 16 лѣтъ. И когда я спросилъ его по какому поводу онъ торопился выйти изъ церкви, когда я уже громко замѣтилъ, что дѣлать такъ не годится,—онъ отвѣтилъ, что вспотѣлъ, на что я возразилъ, что и мы потѣемъ, раза по три въ день потѣемъ, а исполняемъ свой долгъ—проповѣдуемъ слово Божіе хри-

сгоименитымъ людямъ, какъ и онъ обязанъ былъ бы, конечно, разъ въ жизни послушать слова Божія, проповѣдуемаго новопривывшимъ архіереемъ. Я обратился къ священнику съ замѣчаніемъ, что онъ ничему не учитъ; на что священникъ возражалъ впрочемъ весьма смиренно, что онъ читаетъ имъ поученія. На это и я возражалъ ему весьма настоятельно; „къ чему тутъ ваши поученія, когда ваши слушатели не понимаютъ вашихъ словъ, не имѣютъ никакихъ элементарныхъ христіанскихъ понятій, прямо говорятъ, что не знаютъ Христа, не различаютъ образа Христа отъ Богоматери, образъ Богоматери отъ образа святителя Николая, не знаютъ, сколько у насъ боговъ“ и т. п. Огорченный непривѣтливостью прихожанъ, я вышелъ изъ храма и, не посѣтивъ священника, уѣхалъ дальше. Въ объясненіе непривѣтливости мѣстныхъ жителей мнѣ говорили, что этотъ приходъ требуетъ особой заботливости, особенно заботливаго пастыря, приходъ окруженъ татарами, приходъ одичавшій, что здѣсь часто бывають побоища татаръ съ русскими, доходящія до смертоубійствъ и т. д.

6-го августа прибыли мы послѣ пополудни въ Березовку на Камѣ..... Здѣсь, къ вечеру Преображенія, наканунѣ воскреснаго дня, служили мы всенощную съ величаніемъ св. Николаю. Народу было довольно, по случаю праздника, а на завтра за литургією было даже много. И все было за богослуженіемъ хорошо, тѣмъ болѣе, что мы сами заботились настроиться мирно и не видѣть недостатковъ, какіе бы можно было усмотрѣть. Тѣмъ не менѣе недостатки сказались сами. Мы говорили поученіе народу, начавъ съ того, что всякій храмъ есть видимое небо; Березовскому же храму это названіе можно приписать по преимуществу, такъ какъ въ немъ по прекраснѣйшимъ иконамъ и стѣннымъ картинамъ можно прочесть все начертаніе домостроительства нашего спасенія. Между прочимъ мы рассказали исторію Рождества Христова, по прекраснѣйшей стѣнной картинѣ съ фигурами не менѣе роста человѣческаго. Да и говоримъ въ заключеніе: „мы говоримъ это вовсе не для того, чтобы весь этотъ народъ усвоилъ всѣ, высказанныя нами, понятія сей-часъ же съ одного раза, а говоримъ для того, чтобы священники поняли, какое огромное пособіе для своей проповѣди они имѣютъ у себя подъ руками, въ этихъ священ-

ныхъ изображеніяхъ. Но мы по опыту знаемъ, что съ перваго раза люди, не учившіеся въ школѣ, ничего понять не могутъ“. „Вотъ примѣрно ты, мальчикъ,—обратился я къ близъ стоявшему мальчику, лѣтъ 13—14,—скажи, какое это изображеніе“,—указывая на икону Рождества Христова, нами только что разъясненную.—„Да я-жъ не знаю“, былъ отвѣтъ мальчика. Послѣ обѣдни читали мы акафистъ святителю Николаю; за литургіей какъ то не обращалось вниманіе на плачь и крикъ грудныхъ дѣтей. Но при чтеніи акафиста, когда понадобилось собственной грудью перекричать вопли дѣтей, оказалось, что для этого въ моей груди нѣтъ силъ: дѣти совсѣмъ заглушали мое чтеніе. Тогда я послалъ сказать, чтобъ дѣтей на время вынесли на дворъ, а былъ прекрасный теплый и ясный день. Замѣчательно, что мужицкая грубость жителей не послушалась приглашенія, посланнаго отъ архіерея. Вопли еще болѣе усилились. Тогда я вторично вынужденъ былъ послать приказъ, чтобы дѣтей устранили. Но отъ этихъ волненій для меня испорчено было настроеніе молитвы предъ чудотворною иконою Угодника Христова Николая. Народъ не нашель въ себѣ деликатности настолько, чтобы дать покой молиться архіерею, который посѣтилъ ихъ сельскій, но обще-чтимый храмъ разъ въ своей жизни и очень можетъ быть другої разъ не будетъ имѣть случая посѣтить. Я освѣдомился, откуда это набралось такъ много дѣтей. Кричало ихъ примѣрно 20 голосовъ, за-разъ. Отъ усердія-ли это матерей къ храму Божію, къ празднику, къ архіерейскому служенію? Хотъ бы сказали, что именно отъ усердія, и то было бы утѣшительно. А то нѣтъ, прямо говорятъ: „пользуются праздникомъ, чтобы исполнить требы, кто причастить дитя, а кто крестить“. — „Коли причастить“,—освѣдомляюсь я,—„такъ зачѣмъ-же дѣтей не подносили къ причастію“? Не подносили ни одного ребенка, хотя по крику дѣтскому я и поджидалъ, что поднесутъ.—„У насъ обычай такой,—объясняютъ мнѣ,—что коли дѣтей много, то причащаемъ послѣ обѣдни, чтобъ другихъ не задерживать“. Не слыханный мною обычай и не вполне согласный съ уставомъ и обычаемъ всеобдержнымъ—причащать дѣтей именно при явленіи Св. Даровъ съ словами: „со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“.....

Предоставляю самимъ читателямъ, на основаніи приве-

денныхъ выдержекъ, судить о томъ впечатлѣніи, какое произвела на „ученаго, передоваго архіерея“ Уфимская епархія въ 1877 году Комментаріи излишни. Но нельзя не отмѣтить, что анонимъ ошибается, называя священника Малиновкина—„Малиновскимъ“ и передавая случай съ крестьянской дѣвушкой, имѣвшей мѣсто въ с. Калинникахъ, какъ бывший въ селѣ Сорвихъ. Ничего похожего на передразниваніе въ Бирскомъ монастырѣ Уфимскихъ монахинь (?) „Отчетъ по обзорѣнію“ не говоритъ, хотя, какъ читатель его можетъ убѣдиться изъ приведенныхъ выдержекъ, составитель „Отчета“ не скупится вообще на подробности и мелочи. Не правдоподобнѣе-ли, что оба сообщенія анонимнаго „Уфимскаго священника“ о передразниваніи—городская сплетня, въ основѣ которой лежитъ мысль объ экспансивности архіерея.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Сообщилъ Законоучитель Одесскаго Кадет. Корпуса,
Священникъ *Сергій Петровскій*.

16 Ноября,
1903 года.